

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

В. В. ЛОПАТИН

СБОРНИКИ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЮ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

В период с 1960 по 1969 гг. сектором исторической грамматики и лексикологии Института русского языка АН СССР были выпущены пять сборников: «Материалы и исследования по истории русского языка», М., 1960 (далее — № 1); «Историческая грамматика и лексикология русского языка», М., 1962 (далее — № 2); «Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка», М., 1964 (далее — № 3); «Лексикология и словообразование древнерусского языка», М., 1966 (далее — № 4); «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка», М., 1969 (далее — № 5).

В первых двух из перечисленных сборников значительное место занимают статьи и исследования, посвященные проблемам исторической грамматики, фонетики и древнерусской палеографии; начиная с третьего сборника, проблематика строго ограничивается лексикологией и словообразованием древнерусского языка. Такое сужение тематики сборников связано с тем, что ядром их авторского коллектива становятся составители Словаря древнерусского языка XI—XIV вв., подготавливаемого в Институте русского языка АН СССР (возглавляет эту работу член-корр. АН СССР Р. И. Аванесов, являющийся и ответственным редактором всех указанных сборников). В настоящее время находятся в печати еще два сборника. Большинство статей основано на материалах Картотеки указанного словаря, являющейся уникальным источником сведений по русской исторической лексикологии. Однако во многих статьях используется и материал памятников, не вошедших в круг источников словаря.

В данном обзоре, в соответствии с определившейся направленностью проблематики сборников, три последние изданные сборника берутся в полном объеме, а из первых двух рассматриваются лишь те статьи, которые посвящены исторической лексикологии и словообразованию. Всего нашим обзором охватывается более 50 статей 25 авторов. Вне обзора оказывается ряд работ иной проблематики — работы Т. А. Сумниковой, А. И. Толкачева, Л. П. Жуковской, С. В. Бромлей, Л. Н. Карягиной и других авторов. Сами по себе это интересные исследования, заслуживающие специального рассмотрения.

Значительное место в рассматриваемых сборниках занимают работы, связанные с проблемой соотношения церковнославянских и русских элементов в языке восточнославянских памятников письменности. Злободневность этой актуальной проблемы в настоящее время возросла в связи с дискуссией по вопросам истории русско-

го литературного языка, вызванной работами Б. О. Унбегауна¹. Особую важность приобретают исследования, направленные на изучение роли и места церковнославянских элементов в языке памятников разных жанров. В рецензируемых сборниках данной проблеме посвящены статьи Г. И. Белозерцева «Соотношение глагольных образований с приставками *вы-* и *из-* выделительного значения в древнерусских памятниках XI—XIV вв.» (№ 3) и «О соотношении элементов книжного и народного языка в памятниках XV—XVII вв.» (№ 4), статьи И. С. Улуханова «Предлоги *предъ* — *передъ* в русском языке XI—XVII вв.» (№ 3) и «Славянизмы и народно-разговорные слова в памятниках древнерусского языка XI—XIV вв. (глаголы с приставками *пре-*, *пере-* и *предъ-*)» (№ 5), а также имеющая более узкое значение статья О. Г. Пороховой «Взаимодействие русской и старославянской (по происхождению) лексики в русском письменном языке XVII в. (на материале Сибирских летописей)» (№ 2).

Если в работах И. С. Улуханова и О. Г. Пороховой рассматриваются славянизмы с формальными приметами (слова с неполногласием, *жд*, *щ*, причастия на *-ций* и др.), то в работах Г. И. Белозерцева и отчасти некоторых других авторов исследуются славянизмы, лишенные формальных примет, и это создает дополнительные трудности; в частности, «искомым» становится не только функция изучаемых элементов в древнерусских памятниках, но и самый их генезис (церковнославянское происхождение). Именно так обстоит дело с глагольным префиксом *из-* выделительного значения. Г. И. Белозерцев, избравший этот префикс объектом всестороннего монографического исследования, справедливо настаивает на необходимости параллельного изучения образований с синонимичным префиксом *вы-* (исконно русский характер последнего подтверждается почти полным отсутствием его в старославянских текстах) и наблюдений над характером взаимодействия обоих префиксов в различных аспектах: лексикологическом, семантическом, стилистическом, статистическом (см. № 3, стр. 166).

В статьях Г. И. Белозерцева дается тщательный и последовательный анализ лексем с обоими префиксами в древнерусских памятниках разных эпох, выполненный с учетом характерных для каждого слова лексических (и лексико-фразеологических) окружений, синтаксических связей, стилистических особенностей контекста, определяемых в каждом конкретном случае как жанром памятника в целом, так и жанрово-стилистической принадлежностью и содержанием отдельных кусков изучаемых текстов (известно, что многие памятники в жанрово-стилистическом и содержательном отношениях чрезвычайно неоднородны).

Привлекает вывод Г. И. Белозерцева о большей продуктивности и большем разнообразии словообразовательных потенций исконно русского префикса *вы-* по сравнению с синонимичным книжным префиксом *из-* (несмотря на то, что последний в целом более употребителен). Как показывает автор, словообразовательная модель с префиксом *из-*, охватывающая слова книжного языка, ограниченного по преимуществу церковно-богословской тематикой, отличается большей замкнутостью, ограниченностью набора лексем. «Привлечение новых, даже крупных по объему церковно-догматических произведений почти ничего не прибавляет к этому набору, увеличивая лишь общий индекс употребительности лексем». Что же касается префикса *вы-*, то этот ряд образований «отличается гораздо большей „протяженностью“ и разнообразием в составе лексем, характерными для динамичного живого языка». В нем многочисленны лексемы,

¹ Об этой дискуссии см.: Л. П. Ж у к о в с к а я, О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода, ВЯ, 1972, 5.

используемые для обозначения действий, наиболее «специализированных» по своему характеру: *вымчати, выпороти, выпроводити, выискати* и т. п. (см. № 4, стр. 70—71). Автор подчеркивает также, что частое использование книжных глаголов с префиксом *из-* в шаблонных сочетаниях и стандартных ситуациях ведет к их определенной десемантизации, на фоне которой «восходящие к живому языку лексемы с приставкой *вы-*, встречающиеся почти исключительно в свободных сочетаниях, характеризуются... большей информационной способностью» (там же, стр. 71—72). В этих условиях вряд ли можно говорить о господстве на данном участке древнерусской глагольной словообразовательной системы книжнославянского элемента *из-*; к тому же надо учесть и явное преобладание префикса *вы-* выделительного значения в ряде памятников («Задонщина», «Хождение» Афанасия Никитина, сочинения Пересветова, Аввакума, светские повести XVII в. и др.).

Статьи И. С. Улуханова сходны с работами Г. И. Белозерцева как по проблематике, так и по методике анализа. И здесь на большом материале памятников разных жанров выясняются нормы использования славянизмов и русизмов в отдельных разновидностях древнерусского литературного языка, причем учитывается каждый случай употребления каждого слова во всех использованных памятниках. Это дает возможность показать устоявшиеся традиции употребления слова, ограничить явления индивидуальные от явлений, закрепившихся в системе разновидностей древнерусского языка, выявить сферы распространения славянизма и русского слова, установить наиболее типичные ситуации, для изображения которых применяется славянизм или русизм, и типичные словосочетания с ними. Учет разнотипности освоения славянизмов в составе лексики древнерусских памятников помогает с большей долей объективности исследовать факторы (различные для отдельных разновидностей языка и для разных эпох), влияющие на выбор славянизма или синонимичного ему русизма в конкретных произведениях. В статьях Г. И. Белозерцева и И. С. Улуханова широко используются количественные характеристики, что позволяет показать соотношение славянизмов и русизмов в конкретных памятниках и классифицировать памятники с этой точки зрения.

Работы обоих авторов представляют собой существенный вклад в изучение проблемы соотношения книжнославянских и русских элементов в литературном языке древней Руси, хотя в силу своей неизбежной узкоконкретной направленности они являются лишь небольшим фрагментом исследования всей огромной проблемы, требующей еще немалых усилий многих специалистов.

Проблема взаимодействия книжнославянских и русских элементов не ограничивается в рассматриваемых сборниках указанными статьями, специально посвященными этой проблеме, а затрагивается и в ряде других статей. В статье Н. П. Зверковской «Параллельное образование прилагательных с суффиксами *-ьн-* и *-ьск-* в древнерусском языке» (№ 3) подчеркивается неустойчивость в языке изучаемых памятников суффикса *-ьск-* в образованиях от нарицательных основ со значением места (*страньскыи, южьскыи* и *ужьскыи, польскыи* «полевой» и т. п.), причем такое употребление данного суффикса квалифицируется автором как более характерное для церковнославянской традиции. Г. Н. Лукина в статье «Антонимические прилагательные в памятниках древнерусского языка (XI—XVII вв.)» (№ 2) показывает, как прилагательные *тяжельи* и *жестькыи*, являющиеся поздними исконно русскими новообразованиями, со временем в значительной степени вытесняют в значениях физического качества (противоположных значениям «легкий» и «мягкий») однокоренные прилагательные *тяжькыи* и *жестокыи*, относящиеся, по наблюдениям автора, к книжно-

славянским элементам древнерусского словаря. Не случайно прилагательное *жесткий*, появившееся в древнерусских памятниках в XIII в., в период второго южнославянского влияния почти совсем исчезло из памятников и возобладало над прилагательным *жестокый* (в смысле «жесткий») лишь в русском литературном языке нового времени.

Интересны наблюдения Ю. С. Азарх в статье «Из истории именного словообразования (существительные женского рода на -ль)» (№ 4), показывающие широкое развитие в древнерусских памятниках с XV в. исконных, чуждых книжной традиции и восходящих главным образом к диалектной лексике существительных на -ль типа *тягль*, *опухоль*, принадлежащих к конкретной терминологической лексике (ср. более древний слой слов на -ль с первичным значением растений и их частей типа *прорасль*, преимущественно употребляющихся в переносном смысле и восходящих к церковнокнижной традиции). В другой статье того же автора — «Из истории именного словообразования (существительные на -ынь женского рода в русском языке)» (№ 5) подчеркивается принципиальное качественное (и, по-видимому, генетическое) различие исконно русских существительных с суффиксом -ынь (*теплынь*, *мокрынь* и т. п.) и церковнославянских слов на -ыня (-ыни), также производных от прилагательных (*святины*, *гърдыни* и т. п.), независимость по образованию первых от вторых.

Наибольший по объему раздел сборников составляют словословари. Тематика их разнообразна. Заметное место среди них занимают работы, связанные с анализом синонимических аффиксальных средств словообразования в древнерусских памятниках. Это и упомянутые работы Г. И. Белозерцева и И. С. Улуканова, и четыре статьи Н. П. Зверковской о взаимоотношениях суффиксов относительных прилагательных -ын-, -ск-, -ов-, -овьн- (№№ 2—5), и три статьи В. Н. Виноградовой о существительных и прилагательных с отрицательными приставками *без-* и *не-* (№№ 3—5). Соотношению синонимичных образований с разными суффиксами уделено большое внимание также в статьях Н. В. Чурмаевой «Существительные с суффиксом -арь со значением действующего лица в древнерусском языке XI—XIV вв.» (№ 3) и И. В. Гореловой «Из истории отвлеченных существительных с суффиксом -ьб(а)» (№ 5).

Словосложению в древнерусских переводных памятниках посвящены статьи Л. В. Вяткиной «Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала (на материале Ефремовской кормчей)» (№ 3) и «Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI—XIV вв.» (№ 4). В них дается тщательный сопоставительный анализ греческих и древнерусских сложений, основанный на богатом материале и свидетельствующий о значительной самостоятельности и самобытности русского словосложения, даже в переводных памятниках осуществлявшегося в ряде случаев независимо от греческого образца. Как показывает автор, калькирование было далеко не единственным способом передачи греческого оригинала и использовалось лишь в тех случаях, когда это не приводило к отступлениям от норм древнерусского словосложения, от привычного набора структурных типов древнерусских сложных слов. Об устойчивости традиций словосложения в древнерусском литературном языке говорят также факты передачи греческих простых слов русским сложным словом. Интересны и случаи передачи одного греческого слова с помощью разных словообразовательных средств (разные суффиксы и синонимичные корни в составе сложения, различный порядок компонентов). Что же касается раздела, посвященного описанию самих структурных типов древнерусских сложных слов, то здесь мы находим не столько словообразовательный анализ сложений, сколько морфемный, ограниченный аспектом типологии моделей морфемного строения слов; собственно сложения и аффик-

сальные производные от сложений разграничиваются непоследовательно; есть неточности и в части, посвященной семантическим отношениям между компонентами сложных слов.

Статья З. М. Плискевич «К истории агентивных имен существительных с основой на *-а (*-ja)» (№ 5) основана на богатом материале производных существительных общего и мужского рода — суффиксальных, бессуффиксных и сложных, собранных из различных памятников. В то же время приводимые в статье структурные схемы, или «формулы», представляющие, по мнению автора, «словообразовательную структуру» соответствующих производных слов (см. стр. 50), на деле представляют собой (как и в статьях Л. В. Вяткиной) лишь схемы морфемной структуры.

В статье И. С. Улуканова «Глаголы с приставкой *предъ* в древнерусском языке XI—XVII вв.» (№ 4) исследуется видообразующая роль и значения этой приставки в старославянском и древнерусском языках. Автор устанавливает, что данная словообразовательная модель возникла в результате присоединения элемента *предъ* в наречном значении к статальным глаголам, соотносительным с ними каузативным и к глаголам движения. Ограниченность видообразующей роли приставки *предъ* (присоединением ее перфективируются лишь каузативные глаголы и глаголы перемещения) автор объясняет отсутствием у нее значений, оказывающих влияние на характер протекания действия во времени. В статье, наряду со словообразовательным анализом, показываются семантические сдвиги, типичные для глаголов с префиксом *предъ*. То же словообразовательное значение, что и у глаголов с префиксом *предъ*, выражалось сочетаниями «*преже* + глагол», которые, как показывает Л. В. Вяткина в статье «О глагольных сочетаниях с *преже* в древнерусском языке XI—XVI вв.» (№ 3), лишь частично подвергались лексикализации.

Статья Д. Н. Шмелева «К вопросу о наречиях на -ь в русском языке» (№ 1) посвящена опровержению довольно распространенного мнения, согласно которому наречия с префиксом и именной основой типа *естарь*, *впрямь*, *впроголодь*, *оземь*, др.-русск. *въроучь*, *безмъздъ*, *посторонь* и т. п. исторически являются сочетанием предлога с формой косвенного падежа существительного с основой на -ѣ (-ь), нередко в памятниках не засвидетельствованного. Автор справедливо отстаивает возможность непосредственного образования подобных наречий по регулярным словообразовательным моделям от именных основ, а также в результате разного рода структурно-аналогических преобразований (например, *въявь* вместо древнейшего *въявѣ*). Работа эта имеет принципиальное значение, поскольку акцентирует наличие в системе словообразования наречий (в разные эпохи) «морфологических», а не только «морфолого-синтаксических» средств. Вызывает возражение лишь мысль о возможном вторичном характере бессуффиксных существительных типа *явь*, *высь*, *глубь*, возникших, по мнению автора, на основе наречных образований типа *въявь*, *въглубь*.

Т. Г. Винокур в статье «О семантике отглагольных существительных на -ние, -тие в древнерусском языке» (№ 5) анализирует возможности отражения в семантике этих образований видовых значений глагола; особое внимание обращается здесь на коррелятивные образования от соотносительных по виду глаголов, на развитие вторичных предметных значений и на такой актуальный и малоразработанный вопрос, как отражение систем значений производящего слова в семантике производного.

Другой группе отглагольных имен посвящена статья Р. В. Бахтуриной «Отглагольные имена лиц пассивного значения в древнерусском языке XI—XVI вв.» (№ 2). Автор рассматривает словообразовательные типы суффиксальных и бессуффиксных существительных, реализующие в конкретных образованиях различные значения — как агентивное (активное),

так и пассивное (явление, значительно более распространенное в древнерусском языке, чем в современном), и взаимоотношение обоих этих значений в семантике словообразовательных типов и отдельных слов.

В статье В. Н. Виноградовой «Значение и употребление образований на *-ньный (-тньный)* с отрицательными приставками в древнерусском языке XI—XIV вв.» (№ 5) сделаны важные выводы о тесной связи причастных и адъективных значений — значений страдательности и возможности (невозможности) действия — в семантике образований типа *несказанный* уже в древнейших восточнославянских памятниках и о производности этих образований (совмещающих, таким образом, значения причастия и прилагательного) от существительных на *-ние, -тие*.

Нельзя не приветствовать обращение некоторых авторов словообразовательных статей к сравнению анализируемого материала древнерусских памятников с соответствующим материалом современного русского языка (Т. Г. Винокур, Р. В. Бахтурина, З. М. Плискович и др.), диалектов (Ю. С. Азарх), а также других славянских языков (Н. П. Зверковская). Такой подход обогащает наши представления о тенденциях развития словообразовательной системы и отдельных ее участков, о взаимовлиянии родственных языков и диалектов.

В центре собственно лексикологической проблематики сборников находятся вопросы лексической синонимии и антонимии в древнерусских памятниках. Так, предметом анализа в трех статьях Н. Г. Михайловской являются синонимические ряды прилагательных со значением «сильный по характеру своего проявления» — *великий, злыи, многий* и др. (№ 3); со значением «знатный» — *великий, сильный, добрый, лтшии* и др. (№ 4); наконец, прилагательные *правыи — десныи — лтвыи — шуи*, составляющие синонимическо-антонимический «квадрат» (№ 3). В первых двух статьях на примере достаточно разветвленных синонимических рядов демонстрируется богатство синонимии в русском языке XI—XIV вв., жанрово-стилистическое разнообразие синонимов; при этом обращается внимание на круг слов, определяемых каждым из прилагательных-синонимов (в связи с чем определяемые существительные анализируются по семантическим группам), на синтаксические функции и морфологические формы прилагательных и на сферу их употребления, а также на соотносительность с антонимическими прилагательными (ср. ряд *малыи, худыи, меньшии* и др. со значением «незнатный»). В третьей из указанных статей в силу большей протяженности охватываемого хронологического периода (XI—XVII вв.) в центре внимания оказывается историческая изменчивость рассматриваемого синонимическо-антонимического ряда, связанная с большей книжностью постепенно устаревающих слов *десныи* и *шуи*, а также соотношение значений прилагательных.

Разнообразные ряды близких и тождественных по значению слов рассмотрены в статье О. Г. Пороховой «Некоторые вопросы синонимии русского языка XVII в.» (№ 3), основным материалом для которой послужила лексика Сибирских летописей; наряду со словами здесь анализируются и синонимичные им терминологические сочетания (ср. *вои — ратные люди* и т. п.). Статья является также интересным источником для изучения вопроса о словообразовательных синонимах (ср. ряды *владыка — владетель — владелец, думчий — думный* «советник» и т. п.). Большое разнообразие синонимов в изучаемых памятниках автор связывает с недостаточной нормированностью языка данного периода и, в частности, с недостаточной четкостью в разграничении значений словообразовательных средств.

В цикле статей Г. Н. Лукиной изучаются антонимические прилага-

тельные *тяжѣкыи*, *тяжелыи* — *легѣкыи*; *мягѣкыи* — *жестѣкыи*, *жестокыи* (№ 2); *тълстыи* — *тънѣкыи* (№ 3); *сладѣкыи* — *горѣкыи* (№ 4). Автор обращает внимание на такие признаки антонимических прилагательных, как противоположность их в прямых и переносных значениях, наличие аналогичных сочетаний, соотносительность членов антонимической пары с прилагательными-синонимами. В небольшой, но содержательной статье О. И. Смирновой «Один случай энантиосемии» (№ 4) мы находим тонкий анализ развития у слов, производных от *благыи* с первичным положительным значением, противоположного (отрицательного) значения «глупый, шальной, сумасбродный», связанного с употреблением слов этого корня применительно к юродивым. Автор подчеркивает, что изменение значения одного из слов (*блажении*) повлекло за собой семантический сдвиг в том же направлении у других слов данного гнезда (ср. новую семантику слов *благой*, *блажить* и др.).

Естественно, что в сборниках такой тематики поставлены и вопросы, связанные с лексической варианностью в памятниках письменности. Л. П. Жуковская в статье «Лексические варианты в древних славянских рукописях» (№ 3) определяет лексические варианты как «два слова или группу слов, тождественных или близких по значению и потому взаимно заменявшихся в разных славянских списках одного и того же памятника» (стр. 6). Автор намечает многообразную проблематику, связанную с разработкой данного вопроса, и дает классификацию лексических вариантов (разнокорневые варианты, словообразовательные, грамматические и др.). Поскольку лексические варианты древнейших славянских рукописей нередко «отражают лексические различия, имевшиеся между славянскими языками и диалектами на территориях, где эти рукописи переводились, редактировались и даже только переписывались» (стр. 9), Л. П. Жуковская справедливо подчеркивает актуальность изучения лексических вариантов для исторической лексикологии современных славянских языков и для «разрешения проблемы формирования литературных языков, особенно их словаря» (стр. 17).

В ином аспекте — как явление контекста — трактуется проблема лексических вариантов в статье Н. Г. Михайловской «Некоторые вопросы лексико-семантической вариантности» (№ 5), автор которой анализирует лексические замены имен существительных и глаголов в языке древнерусских произведений о Борисе и Глебе. Здесь отмечаются, помимо варьирования слов-синонимов, различные случаи варьирования, основанного на контекстуальной синонимизации, а также связанного с «трансформацией содержания контекста» (например, наименование одного понятия по различным признакам, взаимная замена слов, обозначающих родовое и видовое понятие, а также слов, называющих предметно связанные понятия).

Несколько статей посвящено вопросу о закономерностях изменения значений слов. Д. Н. Шмелев в статье «Несколько замечаний о „первоначальных“ и „переносных“ значениях слова» (№ 2) высказывается за необходимость строгого разграничения синхронического и диахронического подхода при изучении метафорических значений слов, подчеркивая те факты, когда одно из значений слова, выступающее на определенном этапе развития языка как метафорическое, вторичное, генетически оказывается не вторичным, а более древним, пережиточным. Эта мысль проиллюстрирована сопоставлением современной семантической структуры ряда слов (*жажда*, *течь*, *застрясть* и др.) с их древнерусским состоянием.

Другой аспект проблемы семантических изменений слов затронут в статье Н. Н. Шмелевой «О лексико-семантическом стяжении в древнерусском языке» (№ 5). Автор касается вопроса об изменении значения

в результате «приобретения словом значения всего того словосочетания, в котором оно закрепилось для обозначения устойчиво повторяющихся ситуаций» (стр. 254); ср. *посадити на княжение* — *посадити* и т. п. Подчеркивая внутреннюю языковую обусловленность подобных изменений, автор настаивает на необходимости выделения возникающих таким образом значений в качестве самостоятельных, но соотносимых с теми значениями, с которыми они фразеологически связаны. Тем самым статья приобретает и определенную лексикографическую направленность.

Роль специфических контекстуальных условий, способствующих изменению значения слова, подчеркивается также в статье Г. И. Белозерцева «О формировании значения адъективированной формы причастия *избранный* „лучший, отборный“» (№ 5).

Ряд статей в сборниках посвящен истории и происхождению отдельных слов и тематических групп лексики. Так, Л. В. Вялкиной (№ 5) рассмотрены названия времен года в древнерусских памятниках, Н. Г. Михайловской и В. С. Филипповым (№ 4) — древнерусские наименования актера, В. С. Филипповым (№ 5) — наименования музыкантов. В статье И. С. Улуханова «Древнерусское *бѣдынѣ*» (№ 2) рассматривается этимология и история этого неясного слова и выдвигается ряд словообразовательных и семантических аргументов в поддержку той точки зрения, что слово это связано с глаголом *бѣдѣти* и обозначает «бдение». Н. В. Чурмаева в статье «„Отбеливание“ или „белка“?» (№ 5) анализирует слово *бѣлка*, встретившееся в берестяной грамоте № 288, убедительно показывая, что значение его — не «отбеливание» (развитие от глагольных существительных на *-ка* со значением действия относится в русском языке к более позднему периоду), а «шкурка животного как денежная единица».

В статье Г. А. Богатовой и А. Н. Добромысловой «Об одной группе фразеологизмов со словом *верх*» (№ 5) рассматривается происхождение встречающихся в древнерусских памятниках устойчивого сочетания *одержати верхъ* «победить в военном столкновении» и сочетаний слова *верхъ* с притяжательным прилагательным или местоимением в смысле «чья-либо победа» (ср. также современное *взять верх над кем-либо* «победить»). Авторы выдвигают сомнительную, с нашей точки зрения, гипотезу, связывая такое употребление слова *верх* с терминами соколиной охоты *взять верх* «подняться», *держать верх* «держат определенную высоту» (о ловчей птице) и предполагая, что «выражение *верх такого-то* обозначало какой-то момент охоты, где проявлялись преимущества ловчей птицы» (стр. 310). Сами авторы признают затруднительность семантических связей того и другого ряда сочетаний, отмечая, что «промежуточные звенья семантического изменения не поддаются восстановлению» (стр. 309). Не проще ли связать анализируемые сочетания, относящиеся исключительно к повествованиям о военных действиях, непосредственно с представлением о победе в борьбе (в том числе и в военном столкновении) как о низвержении врага?

Заимствованной лексике древнерусских памятников посвящены в сборниках две статьи — И. Г. Добродомова «О некоторых русских словах, заимствованных из греческого языка через тюркское посредство» (№ 4), где разбирается происхождение нескольких слов (*корабль*, *Кърсунь*, *лыскарь* «кирка, лопата», *лохань* и подробнее — *лимень* «залив, бухта») и обширные «Историко-этимологические заметки о словах *басурманин* — *мусульманин* и *магометанин* — *мухаммеданин*» Г. Ф. Благовой (№ 5).

Наконец, особое место в сборниках занимают две статьи, написанные совместно Л. В. Вялкиной и Г. Н. Лукиной, — «Опыт применения некоторых методов математической статистики к изучению лексики древ-

нерусских текстов» (№ 3) и «Материалы к частотному словарю древнерусских текстов» (№ 4). Обе публикации, имеющие прикладную направленность, показывают применимость математико-статистических методов к анализу текстов древнерусской письменности и являются, по существу, первой и удачной попыткой статистического анализа лексики некоторых древнерусских памятников (Мерило праведное, Житие Феодосия Печерского, Сказание и Чтение о Борисе и Глебе). Такие понятия, как, например, относительное богатство словаря того или иного памятника, сравнительная употребительность слов различных частей речи и различных тематических групп, а также слов в памятниках разных жанров, получили здесь конкретное количественное воплощение.

В заключение отметим, что в рассмотренных сборниках вводится в научный обиход и осмысливается ценнейший материал исторических картотек русского языка. Очень важно, что сборники эти создавались сразу же по составлении картотеки Словаря XI—XIV вв., в процессе работы над словарем. Тем самым, с одной стороны, оттачивалась профессиональная подготовка лексикографов—историков языка, с другой — научная общественность получала работы, основанные на новых, в значительной степени еще не подвергавшихся исследованию, материалах, в том числе на материале ряда памятников, до сих пор остающихся неизданными. В сборниках, как мы видели, нашли отражение разнообразные аспекты изучения древнерусской лексики и словообразования. Несомненно, что исследования в этой области будут развиваться и дальше. Весьма желательным было бы издавать в дальнейшем данную серию сборников в качестве ежегодников.